

Курышев Игорь Владимирович

ЦЕРКОВНАЯ ПЕЧАТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1918-1919 ГГ.)

В данной статье впервые рассмотрена церковная периодическая печать Западной Сибири в годы гражданской войны в контексте социально-психологической атмосферы, морально-правовых изменений, происшедших в рассматриваемый период. Охарактеризованы мероприятия РПЦ Белой Сибири по устранению отрицательных социально-нравственных явлений в жизни приходов. Поставлена цель выявить нравственно-психологические оценки ослабления религиозного сознания населения со стороны церковных изданий. Акцентируется внимание на рассмотрении причин нравственного упадка общества, происходивших массовых гонениях на Православную церковь, кровавых расправах над священнослужителями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 128-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94:659.113.86(571.12)

Исторические науки и археология

В данной статье впервые рассмотрена церковная периодическая печать Западной Сибири в годы гражданской войны в контексте социально-психологической атмосферы, морально-правовых изменений, происшедших в рассматриваемый период. Охарактеризованы мероприятия РПЦ Белой Сибири по устранению отрицательных социально-нравственных явлений в жизни приходов. Поставлена цель выявить нравственно-психологические оценки ослабления религиозного сознания населения со стороны церковных изданий. Акцентируется внимание на рассмотрении причин нравственного упадка общества, происходивших массовых гонениях на Православную церковь, кровавых расправах над священнослужителями.

Ключевые слова и фразы: церковная печать; Белая Сибирь; православная вера; нравственность; сектантство; гонения на духовенство; деградация личности.

Курышев Игорь Владимирович, к.и.н., доцент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал)

Тюменского государственного университета

istorik_ishim72@mail.ru

ЦЕРКОВНАЯ ПЕЧАТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1918-1919 ГГ.)[©]

Социально-психологическую атмосферу в годы гражданской войны трудно представить себе без периодических изданий Церкви, пытавшихся бороться с нравственно-правовым нигилизмом, воинствующим материализмом и атеизмом. В то же время история церковной периодической печати периода революционной Смуты и сегодня остается одним из белых пятен отечественной историографии. Например, в известной монографии Л. А. Молчанова дается лишь краткая характеристика церковной печати Белой Сибири [6, с. 43-44]. В силу этого актуально обращение к материалам малоизученных церковно-религиозных периодических изданий, выходивших на территории Западной Сибири. Это – журналы «Тобольские епархиальные ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Вестник Омской церкви», «Омские епархиальные ведомости», «Сибирский старообрядец» (Барнаул).

По справедливому заключению русских православных философов, пытавшихся переосмыслить события революции и гражданской войны в России, судьба народа определяется не только факторами уклада жизни, общественных отношений и исторических условий, но и силой верований, нравственных идей, оценок, коренившихся в народном сознании.

В центре внимания церковной печати в это эпохальное время оказались проблемы народной нравственности, веры, духовности. Православные религиозные издания, в особенности старообрядческие, призывали к повсеместной борьбе с усилившимися атеистическими и социалистическими течениями, «вытравливающими в народной душе религиозное чувство, утрата которого равносильна озверению общества» [5, с. 10].

Падение нравственности, заметное ослабление православной веры в широких слоях населения Сибири (причем не только городского, но и сельского) вызывали серьезную обеспокоенность духовенства, которое пыталось противопоставить этому социальному злу целенаправленную религиозно-просветительскую деятельность. «Мрак невежества и нравственного одичания, столь страшно проявившийся в последние годы», церковные круги склонны были объяснить яростным вторжением дьявольских сил, омрачивших сознание народа и затуманивших его совесть [10, с. 17-18].

Большое внимание уделялось на страницах церковной печати рассмотрению духовно-нравственного состояния епархий, а также разработке комплекса мероприятий по устранению отрицательных социально-нравственных явлений [4, с. 190-191].

Так, Тобольское епархиальное братство, имея в виду агрессивные, наступательные планы в отношении православия воинствующего сектантства, а также общий моральный упадок в среде православного общества, решило в целях определения средств борьбы с врагами православной религии провести анкету (опрос) по приходам епархии.

С тем чтобы возродить великую и могучую Русь, Православная церковь Белой Сибири и выражавшая ее мнение епархиальная печать призывали к активному созиданию в церковно-религиозной сфере. «Чтобы оздоровить и воссоздать родину, – писали «Тобольские епархиальные ведомости», – надо оздоровить дух народный, нужно повысить его нравственный уровень, а это область религиозных влияний. <...> Отсюда огромное значение для нашей эпохи пастырско-христианской работы, которая должна быть усилена, а во многом, сообразно с требованиями времени, улучшена и реформирована. Необходимо распыленное русское общество организовать и объединить в дружные единомысленные ячейки вокруг храмов по приходам, а потом и далее в единицы большего масштаба и удельного веса – в объединенные организации по благочиниям, уездам, епархиям и областям или окраинам» [10, с. 17-18].

Вполне понятно, что в условиях ожесточенной братоубийственной войны, сопровождавшейся распадом традиционных социальных связей и отношений, расщеплением социума, создание солидарного, сплоченного общества в большей степени являлось практически невыполнимой, декларативной задачей.

Суровые испытания, выпавшие на долю России, представители Православной церкви связывали, прежде всего, с тем, что сознание народа под влиянием изощренной пропаганды низменных инстинктов устремилось в «бездну животных страстей». Протоиерей И. Галахов отмечал, что причина народных бедствий состоит в том, что «убита народная вера, душа, совесть народная <...> И все мы как-то опустили и принизились – у всех сатана вынул из сердца святое святых и всех остановил на одной лишь мысли о хлебе для пропитания тела. Теперь мы только и думаем, только и заботимся, что о хлебе» [1, с. 154-155].

В еще более мрачном, апокалипсическом духе оценивалось духовно-нравственное состояние общества в журнале «Сибирский старообрядец»: «Тревожное и критическое время переживаем мы. Ужас конца надвигается, а голоса пастырей не слышно. Не видно работы их. Не видно их борьбы с надвигающимися быстрыми шагами, совершенным неверием. **Смрадное дыхание зверя из бездны чувствуется уже** (выделено мною – И. К.). Оно охватывает весь мир, и бездействие в настоящее время равняется преступлению» [13, с. 13].

Как выражение апокалипсических настроений, например, крестьяне одного из старообрядческих сел Ишимского уезда, ожидая пришествия антихриста, не желали открывать двухклассное старообрядческое училище, мотивировав это тем, что все равно все будет разрушено [9, с. 14].

Кризис православной христианской веры, отчетливо обозначившийся в период революции и гражданской войны, стал одним из мощных факторов падения общественной нравственности, способствуя дезориентации и деградации человеческой личности. В атмосфере длительного военного лихолетья и острых социальных противоречий человеческая жизнь обесценилась, нравственные нормы и ценности подверглись существенной девальвации. В частности, Тобольский епархиальный совет, признавая моральный упадок общества, отмечал случаи недопустимого содержания сельских кладбищ: «...Ограды разрушены, кресты повалены, по кладбищу бродит скот, и даже роются свиньи» [7, с. 188].

По признанию церковных властей, богоборство, неверие, сектантство (в виде протестантских направлений евангельских христиан, баптистов, адвентистов) проникли в самую толщу народной жизни. Более того, даже среди достаточно обособленных и приверженных патриархальным нормам поведения сибирских старообрядцев имелись факты ухода в баптистские общины. В целях противостояния сектантству и атеизму Тобольским епархиальным братством, например, проводилось специальное анкетирование, направленное на изучение религиозно-нравственного состояния приходов, которое показало распространение атеистической пропаганды и миссионерской деятельности протестантов. В Западной Сибири, особенно по линии железной дороги Тюмень – Омск, стали прочно обосновываться евангельские христиане, постепенно расширяя свое влияние и на население прилегающих к железнодорожным станциям сел и деревень.

Число евангельских христиан быстро росло в Тюмени, Ялуторовске, Омске, пополняясь за счет мелких чиновников, служащих, рабочих. В Ялуторовске сектантством, в частности, увлекались люди более или менее образованные: чиновники почты и телеграфа, железнодорожные служащие, ремонтные рабочие. Не встречая никакого отпора и препятствия на пути, сектантство быстро распространялось по линии железной дороги. С разъездов и станций сектантские пропагандисты разъезжались по ближайшим деревням.

Причем некоторые новообращенные евангельские христиане, по утверждению епархиальной печати, вели себя вызывающе дерзко и агрессивно по отношению к православным соотечественникам. Так, в Ялуторовске, по рассказу железнодорожников, артельный староста Свитунько, вступив в общину евангельских христиан, поломал и сжег православные иконы, уничтожил нательные кресты [12, с. 54].

В Омске даже появился печатный орган евангельских христиан – журнал «Благовестник», основанный известным протестантским миссионером Фетлером.

Понятно, что опасения православного духовенства Сибири имели под собой вполне реальную почву, поскольку наступление разного рода протестантских течений и воинствующего атеизма неуклонно подтачивало незыблемые духовные основы и традиции российской цивилизации, создавало среду для нравственного нигилизма, ослабляло влияние православных ценностей на жизнь общества.

В такой раскаленной, наполненной низменными желаниями и страстями обстановке происходили массовые гонения на Православную церковь, кровавые изуверские расправы над священнослужителями. В ряду многих – и убийство тобольского епископа Гермогена. По сообщению местной печати, епископ Гермоген по приезду в Тюмень был отправлен здешними большевиками на пароход «Ермак». 28 июня 1918 года епископа и сопровождавшего его священника перевели на пароход «Ока», который вместе с конвоем красноармейцев направлялся к Тобольску. Ночью священник, сопровождавший Гермогена, был связан веревками и выброшен за борт. На другой день пароход «Ока» встретился со шхуной «Мария» и тотчас повернул назад, спасаясь от преследования белых. Красноармейцы связали епископу руки на спине и, подвязав двухпудовый камень, бросили жертву под колесо парохода [8, с. 316].

Архиепископ Оренбургский Мефодий доносил Высшему церковному управлению о том, что во время крестьянского восстания в марте – апреле 1919 года под воздействием агитации пяти инородцев были зверски убиты священники сел Боровского и Алешинского Кустанайского уезда. Причем священника села Боровского о. Дроздова повстанцы распяли, а у его жены вырезали груди [3, с. 178].

В качестве наказания крестьян в этих церковных приходах по распоряжению архиепископа Мефодия было запрещено совершать все богослужения и отправления треб, за исключением причастия святых тайн и крещения младенцев в смертных случаях.

По сообщению «Владивостокских епархиальных ведомостей», в июле 1918 года артиллерийскому обстрелу и последующему разграблению со стороны частей Красной Армии подвергся Свято-Троицкий Уссурийский монастырь. Во время боевых действий на территории монастыря красноармейцы сожгли церковь во имя Святого Инокентия Иркутского с колокольной, а также деревянную часовню во имя иконы Божьей Матери Казанской.

Аналогичные по содержанию факты можно нередко встретить в целом в колчаковской печати. Главными виновниками антицерковных репрессий епархиальная печать считала красногвардейцев, дезертиров, зараженных духом большевизма, изначально враждебного православию. В свою очередь, например, в журнале «Сибирский старообрядец», выражавшем мнение старообрядческих общин Сибири, имелась и иная точка зрения. Один из его авторов, Шалаев, рассматривая влияние Российской революции на церковную жизнь, мотивы ненависти по отношению к официальной Православной церкви и духовенству, объяснял следующим образом: «Священство и полиция так взаимно смешались. <...> Вполне понятна и проявляемая ныне ужасающая ненависть народа, по крайней мере, в лице большевиков, к духовенству, к храмам, к святыням: ведь все это отождествляется со старым ненавистным режимом, со всеми его насилиями, неправдами, гнусностями» [15, с. 3].

В силу суровых перипетий гражданской войны, жестоких гонений многие церковные приходы Сибири запустевали: одни священники были убиты, другие бежали из сел и деревень, покинув свои храмы под угрозой расправы (особенно в районах, ставших театром ожесточенных военных действий).

Причины гонений на духовенство, осквернения храмов и жестоких расправ над священнослужителями представители Церкви и выражавшей ее мнение печати видели в нравственном оскудении народа, вызванном в том числе предшествовавшими Русской смуте XX века застойными явлениями в церковно-приходской жизни, неудовлетворительным исполнением духовных запросов паствы. Нравственное одичание и удушающую духовно-нравственную атмосферу церковные публицисты объясняли революционными потрясениями, которые привели к разгулу диких, необузданных страстей, растлевающим влиянием солдат-фронтовиков, сектантов и атеистов, социалистических учений, запугиванием со стороны дезертиров. «...На местное население солдатчина оказывала самое растлевающее влияние. Среди солдат было немало атеистов, сектантов, раскольников. Уже вскоре после переворота среди населения были пущены слухи, направленные против Церкви и религии: “долгой Бога; ни к чему иконы” и т.д. После октябрьского переворота все солдаты, конечно, объявили себя большевиками. В селе началась ярая большевистская пропаганда» [11, с. 94].

Один из церковных корреспондентов размышлял: «Но в темноте ли только кроется причина такого беспримерного гонения на Церковь и ее служителей? <...> Мне думается, что часовни, построенные в деревнях, и службы, совершаемые 1 раз в год, не могли дать удовлетворения религиозным запросам прихожан – вот здесь-то мы и видим охлаждение к вере, к Церкви и службам Божиим. <...> Это была самая хорошая почва для восприятия атеистической пропаганды, почему среди солдат прежней армии, т.е. царского правительства, было много совершенно ничего не признающих. Таким образом, выходит, что все эти кошмарные страницы нашей жизни не столько от темноты, сколько от нравственного огрубения народа» [14, с. 157].

Именно в разрушении духовно-нравственных основ жизни общества Церковь усматривала наиболее страшную опасность для нашего Отечества. Предстоятель РПЦ в Томской епархии епископ Анатолий в своем послании размышлял об истинном приближении к царству Божию, о действительных путях достижения его: «...К достижению царства Божия и блаженства на земле – один верный путь, который указал Христос: это постепенное совершенствование себя – каждого в отдельности человека, и целых обществ. Из порочных, преступных людей царства правды, мира, свободы, счастья не составить» [2, с. 399].

В целом церковная печать в годы гражданской войны оценивала религиозно-нравственное состояние общества, драматизм и масштабность выпавших на долю России и Православной церкви испытаний с точки зрения православной философии и теологии. Своей неотложной задачей духовенство считало приближение церкви к народу, пыталось вести борьбу со своими идейными противниками, оказывало немаловажную поддержку Белому движению. Церковный клир стремился оказать противодействие моральной деградации общества (в том числе разрабатывая меры по устранению непристойных кинокартин, изъятию безнравственной печатной продукции и т.д.), однако в силу необратимых обстоятельств решить эту проблему уже не мог.

Список литературы

1. Галахов И. Церковное печатное слово // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 13-15. 1-30 июня. С. 152-155.
2. Еп. Анатолий. Новогоднее обращение к пастырям и пастве Томской // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 24. 15 декабря. С. 395-400.
3. Зверства большевиков // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 11. 10 (23) апреля. С. 177-178.
4. К религиозно-нравственному состоянию Тобольской церкви // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18-20. 22 июля – 10 августа. С. 190-191.
5. К старообрядческой молодежи Сибири // Сибирский старообрядец. 1919. № 4. 15 (28) января.
6. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М.: Издат-профпресс, 2002. 272 с.
7. От Тобольского Епархиального Совета. II // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 12-13. 22 апреля (5 мая) – (14) мая.
8. Подробности убийства Еп. Гермогена // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18-20. 22 июля – 10 августа.
9. Прихожанин. Печальное явление // Сибирский старообрядец. 1919. № 7. 1 (14) апреля. С. 14-15.
10. Работа в новую годину // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 1-2. 1 (14) – 10 (23) января. С. 17-18.
11. С.Г.Ш. Богандинская трагедия // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 6. 22 февраля (7 марта). С. 94-96.
12. С.Г.Ш. Сектантство наступает // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 3-4. 22 января (4 февраля) – 1 (14) февраля. С. 53-54.
13. Съезд старообрядцев Белокрыницкого согласия // Сибирский старообрядец. 1919. № 9. 1 (14) мая.
14. Уроки прошлого // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 8-9. 15 (28) марта. С. 157-158.
15. Шалаев. Церковная жизнь и революция // Сибирский старообрядец. 1919. № 6. 15 (28) марта. С. 2-3.

CHURCH PRESS OF WESTERN SIBERIA (1918-1919)

Kuryshv Igor' Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ershov Ishim Teachers Training Institute (Branch) of Tyumen State University
istorik_ishim72@mail.ru

The article for the first time deals with church periodical press in Western Siberia during the Civil War in the context of the socio-psychological atmosphere, moral and legal changes that took place in the considered period. The actions of the Russian Orthodox Church of White Siberia on the elimination of negative social and moral phenomena in the life of the parishes are described. The aim is to identify the moral and psychological assessments of the weakening of the religious consciousness of the population on the part of church publications. The author focuses on the consideration of the reasons of the moral decline of the society, the mass persecution of the Orthodox Church, and the massacres of the priests.

Key words and phrases: church press; White Siberia; Orthodox faith; morality; sectarianism; persecution of the clergy; decay of personality.

УДК 364.122.5

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются недостатки существующей в науке типологии городских поселений. Отмечено, что в научной литературе используются административные критерии определения города, что ведет к занижению численности городского населения и темпов урбанизации страны. Автор на примере Южного Урала предлагает расширить численность городов за счет населенных пунктов, фактически являющихся городскими, но официально таковыми не признанных.

Ключевые слова и фразы: город; городское поселение; урбанизация; истинные города; демография; урбанистика; Урал; Башкирия.

Кучумов Игорь Вильсович, к.и.н., доцент
Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
ivku@yandex.ru

ТЕОРИЯ «ИСТИННЫХ ГОРОДОВ» И ПРОЦЕСС УРБАНИЗАЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ®

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00146.

Значение урбанизации в истории человечества чрезвычайно велико. Общеизвестно, что города являются своеобразными локомотивами интеллектуального и технологического прогресса, в них, а не в сельской местности, концентрируется научный и культурный потенциал современного общества, они оказывают огромное влияние на все остальную территорию, заселенную негородским населением.

Однако в изучении отечественной историографии этой проблемы имеется серьезный недостаток, существенно искажающий представления о характере, масштабах и локальных проявлениях этого феномена. Он заключается в том, что исследователи, рассматривая урбанизацию как социальное явление, как правило, руководствуются административными критериями определения города и городского населения.

Принцип наделения правительством того или иного поселения статусом города был основан в первую очередь на удобстве управления окружающей местностью. Остальные критерии не имели большого значения. По этой причине село могло неожиданно стать городом, а поселение, чьи жители являлись вполне сформировавшимися горожанами, так и остаться сельским. Зачастую эти изменения не были связаны со значительной трансформацией образа жизни жителей населенных пунктов. Вместо разработки научных критериев города отечественные авторы руководствуются в своих исследованиях официальным перечнем городов, что зачастую искажает картину процесса урбанизации, ее динамику и конкретные проявления. Рассмотрим, как это проявляется на материалах Южного Урала.

Строительство городских поселений в этом регионе было продолжением аналогичных процессов в Среднем Поволжье, начавшихся в XVI в. и связанных с экспансией Русского государства на восток. Если экстраполировать официальные городские населенные пункты Уфимской губернии на территорию современного Башкортостана (что обычно и делается в отечественной историографии), то получается, что к началу 1920-х гг. на ней располагалось лишь 4 города: Уфа (основана в 1586 г.), Белебей (основан в 1757 г.), Бирск (основан в 1663 г.), Стерлитамак (основан в 1781 г.). При этом исследователями не учитывается, что Уфимская губерния и БАССР (в постсоветское время Республика Башкортостан) – это различные в политическом и социальном отношениях территории.

До революции существовали определенные законодательные ограничения, препятствовавшие отдельным типам населенных пунктов приобрести статус городов. В частности, не могли стать городами частные владения